

Обустроив рай и увидев, что это хорошо весьма, «бог» положил себе за правило отныне регулярно прогуливаться здешними романтично вьющимися загадочными тропинками. Тут он будет восстанавливаться духом и свежить мыслями.

На этом деянии все другие «боги» стали просить его остановиться. И без того работа проделана немалая. А вот создавать Адама и Еву они всем кагалом попытались отговорить «бога».

«Ты же знаешь, что тогда начнётся. Ничего хорошего из этой затеи не выйдет. От людей одна головная боль начнётся!»

«Волков бояться – в лес не ходить... – вдохновенно улыбнулся «бог». – Рай без людей – обычный парк. А мне изюминка нужна! Радость души и сердца! Да, не исключено, что появится много проблем с Адамом и Евой, но, уверен, будут и такие минуты радости, которые способны оправдать любые печали. В общем, сомнения прочь. Готовьтесь».

С тех пор за многие годы «бог» убедился в своей правоте. Он всегда с особым удовольствием брал на прогулку Адама и Еву. «Богу» нравился девчоночий смех Евы и не по годам строгие мужские размышления Адама. Которые при всём при том были чистосердечно наивны и по-особенному забавны. Ева всегда с радостью соглашалась прогуляться с «богом» и благодарно чмокала его в щёку. Неискушённая, она, тем не менее, каким-то особым, даже ему непонятым образом день ото дня всё более обретала сокровенную женственность. То губки соком вишнёвым озорно помажет, то повяжет на шею тонкий гибкий стебель вьюнка с белыми колокольчиками, а другой день, скажем, с фиолетовыми. А вот Адам на призыв «бога» к прогулке всегда отзывался с напряжением, словно преодолевал что-то в себе. Занятый делами в саду, он считал своё мужицкое умение управляться со всяким деревом, кустом или травой более важным, чем какие-либо самые заумные разговоры о Вселенной и бренном человечестве. Кстати, Адам так и не привык называть «бога» Создателем или хотя бы Отцом. Да и Ева в этом плане тоже оказалась не лучшей ученицей. Она вообще «бога» с простодушным умилением называла невесть откуда ставшим ей известным словечком «папенька». «Бог» сдержанно недоумевал: кто же мог замусорить ей голову таким жеманным низким словцом?

Разве что пройдоха Змей-искуситель? Но тому вроде бы рановато вмешиваться в ход библейских событий... Отмашки такой он ему ещё не давал.

В любом случае в сметливости не по возрасту Адаму было трудно отказать. Однажды он одним своим эдаким вопросом самого «бога» едва не лишил дара речи.

Вышло так. Полдень. Напористое Солнце на взлёте и едва ли не брызжет пламенем. Адам с ведром и венником упёрто опрыскивает райские яблони полынным настоем – от плодоярки.

Осталось стволов десять – и в тень, на временный отдых.

И тут – вот он идёт, «бог», с другими «богами» в торжественно развевающихся белых одеждах, точно на вольных густых облаках восседают.

– Получается, сынок?..

– Кто его знает... Время покажет, батя. Очень уж проворная эта плодоярка. Может, даже придётся ловушки с квасом расставить по саду.

Адам по возможности аккуратно и, само собой, подальше от «бога» звучно высморкался на траву.

– Вопрос можно?..

Глянул на «бога» исподлобья, но достаточно жёстко для своих молодых лет.

– За чем стало?.. – настороженно усмехнулся «бог» и не без печали мысленно отметил про себя: «Кажется, переходный возраст начался у мальчишки».

Адам в самом деле не по годам день ото дня проникался особой вёрткой мудростью, всё чаще ставящей «богов» в тупик своей острой пронизательностью.

– Достали меня дальше некуда все эти гусеницы, улитки, бабочки... – строго вздохнул Адам. – И зачем ты только их создал?

«Бог» значительно нахмурился.

– А цветоед, тля, клещи, щитовка? Или медведка, дрянь эдакая?! Житья нет от этой пакости.

– «Бог» не ошибается... – каким-то нудно-строгим голосом отозвался «бог». – У меня всякой травке, всякой живности уготовано своё высокое предназначение! Но каждому овощу своё время.

Адам чуть ли не весело фыркнул, отряхнул фартук и лёг на траву, лениво потянулся к зачитанному томику Библии.

– Ты чего лыбишься?! – навис над ним «бог».

Тут какая-то райская птичка безбоязненно села ему на плечо и дерзко рассвисталась.

«Бог» машинально передёрнул плечами. Однако птичка никак улетать не собиралась.

– Говоришь, о всякой живности ты отечески заботишься?.. – натруженно вздохнул Адам, резко отбросив трепетно зашелестевшую книжку. – А зачем ты нас с Евой собираешься изгнать из Рая, а потом ещё и уничтожить всё человечество, которое от нас с ней народится?

– Откуда ты про это знаешь?.. – «бог» побледнел так, что лицо его как бы исчезло на фоне блескущей снежности тоги.

– От верблюда... – напрягся Адам. – Умные книжки читать надо. «Библия» называется. В райских кустах случайно нашёл на прошлой неделе. А ты не увливай, пожалуйста, от вопроса: тебе не жалко будет столько народу утопить?.. Из-за какого-то паршивого яблока! И понапрасну! Потомки Ноя ещё хуже моих будут! Вот так, батя Бог.

– Слушай, сынок... – дёрнулся «господь». – Гляжу я на тебя сегодня и никак не врублюсь, чем ты меня озадачил? Только сейчас сообразил – да на тебе набедренная повязка из листьев! С какой стати?

– Я уже не ребёнок и не хочу вертеться голяком перед моей будущей женой... Да и перед богами неловко!

– Как ты допетрил насчёт своей наготы?! – глухо вскрикнул «бог». – Вы вроде яблоки с древа познания добра и зла ещё не крали?

– Больно нужны они нам! Кислятина. Не тот сорт тебе подсунули!

– Встань, когда с «богом» говоришь... – тихо, начальственно проговорил «бог». – Разлётся тут, понимаешь...

– Сам нас такими сделал, а теперь напрягаешься...

Адам медленно, с ленцой привстал:

– Зачем ты людей утопишь? Ты же творец всего мира! Стукни посохом по земле, скажи своё волшебное божеское слово и наставь нас на путь истинный!

– Как видно, пора нам с тобой поговорить начистоту, юноша... – напрягся «бог». – Одним словом, я никакой не Создатель всего и всех... И твоя Библия здесь ни при чём...

Он напряжённо замолчал, машинально сорвал яблоко с дерева познания добра и зла, раздражённо цапнул мякоть зубами.

– Реальная кислятина...

Сплюнул раздражённо.

– Итак, юноша, да будет вам известно, что я не Господь Бог, а обыкновенный Платон Михайлович Бородин. Человек! Как ты, как Ева, как мои «боги». Есть, конечно, у меня одна закавыка... Я олигарх, то есть личность, у которой избыточно много денег. И без оных мне жить в этом мире достаточно тоскливо.

– Не врублюсь... – тихо отозвался Адам.

– Попытаюсь объяснить...

Накануне развала СССР Платон, лучший студент физмата ВГУ, в поисках реальных штатовских джинсов авантюрно вписался в компанию фарцовщиков, вскоре став самым нужным всему городу человеком по части честного обмена рублей на доллары. А вскоре, уже при Горбачёве, он создал первый в городе кооператив, а при Ельцине смело затеял торговлю левой водкой, – так что уже вскоре Платон единственный в городе ездил на заветном тогда для многих «тридцать девятом» BMW, а лет через десять возвёл в глубинах пригородной Нагорной дубравы неоготический замок, перед которым Рамонский дворец истинных Ольденбургских выглядел разве что «хрущёвкой». Став через пару лет во главе ГК «Галактика Главснаб», Платон Михайлович достаточно скоро появился на страницах «Форбса» в списке российских миллиардеров второго поколения. И с тех пор не покидал его, уверенно возрастая к заветной первой тройке.

Платон понимал всю неповторимую исключительность своего взлёта и, глядя с нынешних его высот вниз, всегда взволнованно ощущал, что это не он всего такого достиг, а какая-то неведомая, может быть, даже мистическая сила вознесла его невесть ради чего. Фаустианская ситуация? В любом случае он искренне предостерегал своих сотрудников от того, чтобы завидовать ему, а тем более пытаться самим повторить такой зигзаг удачи: «Даже не помышляйте вослед мне открыть своё дело – только погубите себя и свои семьи. Все доходные места в России ещё при Ельцине были распределены “богами” перестройки окончательно и бесповоротно. Так что не рыпайтесь и радуйтесь тому, что я вам достаточно щедро отстёгиваю!»

Всё чаще слово «бог» в том или ином контексте вырывалось из уст Платона Михайловича. А лет четырнадцать назад идея реально примерить на себя тогу «бога» и лично сотворить вновь рай и человека дерзко зацепила его. Кстати, именно тогда он узнал от своей бабушки Ангелины Фёдоровны, что, к счастью, не является атеистом, каким считал себя до сих пор, а был тайно крещён ей по всем правилам на сороковой день от рождения. Бабушка тайком, в корзине, аккуратно прикрыв дитя освящённым платком, носила его в соседний храм Святой Великомученицы Татианы, где батюшка и совершил над ним положенный духовный обряд, – отец Платона Михаил Георгиевич Бородин был вторым секретарём обкома КПСС, а мама, Наталья Александровна, после окончания факультета журналистики деятельно выпускала в местном книжном издательстве многолетнюю серию «Словарь безбожника» и была постоянным автором московского академического сборника «Вопросы научного атеизма».

В его начальных бизнес-усилиях маяком стал Герман Стерлигов. Душевного союзника он в нём подспудно почувствовал. Оба пришли в бизнес, по всему, не за деньгами, не за властью, а в русском поиске себя в себе. Стерлигов было биржу товарную открыл со сказочным названием «Алиса», намекая на возможность превращения России в страну чудес, то увлёкся созданием клуба молодых миллионеров, а как наскучило, приобрёл хоккейную команду «Аргус» и устроил в ноябре 1991-го изначальный в российской истории коммерческий хоккейный турнир «Миллион на льду» с невиданным у нас вознаграждением победителю в один миллион тогдашних рублей. А потом новый рывок вперёд и выше: Стерлигов то кандидат в губернаторы Красноярского края, то кандидат в мэры города Москвы, а на выборах 2004 года выдвигался в президенты РФ, да вот регистрацию, кажется, не прошёл почему-то. Сейчас чин по чину – фермер-отшельник. Как есть всей семьёй Стерлиговы окрестянились и готовы принять к себе на поселение всех ждущих новой жизни православных христиан.

Не «чах над золотом» и Платон. Все вопросы «купи-продай» решал он влёт, как бы играючи, почти авантюрно, и никогда не оставался в минусе, даже развлекаясь по ночам фондовыми сделками на вершинной Нью-Йоркской валютной бирже.

В общем, Платон как бы всё время находился в поиске новизны ощущений. Точнее, экстремальной новизны. Но даже фантастически успешные денежные обороты не могли дать ему нужные дозы адреналина. В итоге Платон покорила все четырнадцать вершин-восьмитысячников, дважды прыгал с парашютом из стратосферы, трижды женился на королевах красоты всероссийского уровня, правда, каждый раз не более чем на пару месяцев, и каждый пятничный вечер вдохновенно демонстрировал соучредителям в глубинах тяжёлого сигарного марева своё уникальное мастерство покерного блефа. Платон Бородин предпочитал техасский холдем за «живым» длинным столом на десять человек, окружённым толпой взволнованных завистливых зрителей. Ими были практически все сотрудники головного офиса, регулярно оставлявшие свои семьи часов до четырёх утра: Платон любил побеждать при достаточном стечении народа. Дилером всегда был директор складского хозяйства Альберт Авдеевич Фёклин, известный своей подобострастной старательностью во всяком деле. Чаевые передавали в местный Дом малютки. И это всегда была более чем достойная сумма.

Одним словом, Платон во всём был непредсказуем, и в каждом его шаге чувствовалась азартная победная поступь. Фирменные корпоративы у него обязательно предварялись квэстами типа «выйти из комнаты», «дом с привидениями» или «кошки-мышки». Поэтому среди его сотрудников чуть ли не каждый второй был ролевиком, автогонщиком, любителем флэшмобов и «Дозоров», иначе он надолго в команде Платона не задерживался.

Тем не менее Платон, привычный ко всяким экстремальным ситуациям, до сих пор не мог без онемения вспомнить, как заведующий его складами Альберт Фёклин однажды у него на глазах действительно скушал махонькую мышку.

Платон Михайлович в тот день, как всегда, объявился со свитой на складском хозяйстве внезапно и повёл Фёклина на обход – заценить соблюдение условий хранения товара.

И тут в тупике из-под деревянной решётки вдруг выявилась мышка: с прижатыми ушками, ссутулившаяся от крайнего страха. Она отчаянно приподнялась, то ли молитвенно сложив перед собой трясущиеся лапки, то ли судорожно готовясь к последнему бою.

Фёклин не стал долго разгадывать этот мышкин ребус: он как-то гадко усмехнулся и тотчас со зверской изворотливостью, которой самый матёрый котяра мог бы позавидовать, притиснул подошвой своих чёрных лаковых английских туфель складского «микки мауса». Всё это произошло беззвучно. Без всякого хруста. Как видно, у молодой мышки были молочные слабые косточки.

И тогда, взрыкнув, Альберт Авдеевич сгрёб горячее трясущееся тельце пятернёй – и в рот свой ёмкий полуживую отправил. Кажется, она так-таки глухо пискнула, как коготком царапнула.

– А был ли мальчик?! То бишь норушка-ворушка?! – гадким густым голосом сказал Фёклин и глухо кашлянул.

Платон лениво поаплодировал такой неординарной находчивости зрителя складов и велел свите тотчас на волне «уважухи» выдать ему из личного резерва бутылку изысканного семилетнего армянского «Ноя» с шоколадным бархатным послевкусием.

– Ты подал мне идею новой игры! «Съешь мышку!» Круто... – сдержанно усмехнулся Платон. – Завтра не забудь заглянуть в бухгалтерию. Премия получишь. Её тебе вполне хватит на свежую «ауди».

Альберт Авдеевич улыбнулся раскидисто, во все свои немалые щёчные пространства.

Расставаясь, Платон тем не менее не пожал вышколенно протянутую ему руку Фёклина. Ограничился двусмысленной улыбкой.

Как бы там ни было, он – депутат областной Думы, он же – генеральный директор ГК «Галактика Главснаб», по орбитам которой вращались далеко не небесные и весьма доходные материальные объекты в образе автошин, зерна, цемента, муки и многого другого, до сих пор чувствовал некую свою вину в нескладности судьбы Фёклина.

Четверть века назад он поднял свой бизнес в немалой степени именно благодаря Альберту Авдеевичу. Тогда, на излёте СССР, Платон сидел в кресле заместителя директора радиозавода по общим вопросам, а Альберт на том же предприятии пребывал в назначенной ему судьбой вечной должности заведующего складами. Так вот, накануне нового 1998-го, на предновогоднем корпоративе, в за-

водоуправлении Альберт Фёклин после трёх бокалов дешёвого «Советского шампанского» и стакана народной водки «Русская» взволновал Платона дерзкой откровенностью: на складах их родного предприятия скопилось невиданное количество неликвидных портативных радиоприёмников эпохи СССР с лирическим названием «Заря». Более того, Альберт, как бы сам того не желая, может быть, просто искусства ради, в озорстве профессиональной всеильности ловко вычистил из складских документов все признаки реального наличия этого густо запылившегося радиотовара. А провести инвентаризацию руководству завода было тогда не с руки: все силы уходили на отбивание рейдерских атак, скупку акций и обслуживание «перекрёстных» отцов новорождённых мафий.

Платон тогда впервые воочию услышал благожелательный трубный глас судьбы. И под эту торжествующую «ангельскую» музыку он более чем успешно на раз толкнул радиоприёмники в Турцию. Фантастический доход честно поделил с Фёклиным. Платон тотчас умело вложил свои деньги в торговлю мукой. Альберт в полном соответствии с принципом «из грязи в князи» ошалело, влёт потратил «бабки» на Карибы, Монте-Карло и модную одежду от лучших итальянских и французских кутюрье.

А когда через несколько лет Платон, уже имея состояние ненамного меньшее, чем у Романа Абрамовича, дерзко возмечтал примерить на себя библейские заботы Творца, он назначил своего директора складского хозяйства Альберта Фёклина на должность будущего райского Змея-искусителя.

Полчаса Фёклин хохотал над новой эпической игрушкой Генерального. Хохотал, конечно, это узко пояснено. Он то заискивающе хихикал, то всхлипывая, то восторженно хохотал а'ля Мефистофель или мышкой той самой складской нахально попискивал.

В итоге возрадованно и благодарно согласился, чуть ли не на колени рухнул.

– Каюсь, Платон Михайлович, каюсь! Простите, дурака... – через раз озорно, мальчишески всхлипывал Альберт Авдеевич и аккуратнo, почти застенчиво прижимал к лицу ладони, чтобы не орошать брызжущей слюной окружающее пространство. – Вы человек масштабный! Вам и с Богом потягаться можно...

– А ты, Фёклин, непростой мужик... – снисходительно заметил Платон. – Хитро на жизнь смотришь! А хочешь, я тебя в своём раю Змеем-искусителем назначу?! Штатным!

– Богу – богово! – улыбочиво откликнулся Альберт Авдеевич. – За мной, того, не заржавеет!

За неделю Платон составил смету работ и набросал чертежи будущего рая на двенадцати гектарах нынешнего городского старого яблоневого сада, оплетённого паутиной мёртвых ветвей сизо-зелёного бешеного огурца. Урожай здешнего давно вышедшего в тираж сорта «Апрельское» уже не оправдывали ни стоимость поливки, ни оплату молдавским или таджикским гастарбайтерам-сборщикам. Сад какой десяток лет радовал разве что местных коз, нередко на закате меланхолично-задумчиво бродивших в здешнем душистом травостое под строгим хозяйским приглядом своего вооружённого посохом бородатого пастуха с явно библейской внешностью и одеянием. С областным Домом малютки Платон Бородин договорился насчёт своего опекуинства над двумя младенцами обоего пола, будущими Адамом и Евой. Хотел было к такому действию привлечь Ангелину Фёдоровну, да решил, что пусть это лучше будет для бабушки подарком, разрешающим боль её многолетнего ожидания внуков. Была даже у Платона вовсе диковатая мыслишка, от которой в два счёта поехать можно, чтобы в своём дерзании стать «богом» открыться батюшке в храме, а, исповедавшись на эту невиданную тему, отчаянно испросить у него на такое дело благословение.

И пусть будет он «бог» с маленькой буквы и как бы в кавычках, но всё-таки... Кстати, какова степень тяжести такой неординарной духовной ноши? Тяготится ли реальный Всевышний своим созидательным бременем? У братьев Стругацких Антон-Румата в конце концов осознал, как трудно быть богом. Весьма трудно. Что ждёт его, Платошу?..

Неспроста он всё время ощущал, что с такими своими райскими намерениями и рассуждениями насчёт экспериментального обожествления явно переступает дерзкими шажками некую нематериальную грань, рискуя навлечь на себя что-то глубинно неведомое, неизъяснимое. Что это могло быть? В какой форме?

Как бы там ни было, от таких мистических рассуждений выброс молекул адреналина в мозг явно и упоительно зашкаливал – скачки сердца учащались, дыхание поднималось, как давление огненного пара в дымогарном котле локомотива, движения становились скорыми и решительными, как у атакующего матёрого зверя завязанного охотника.

Долго посмеивался над собой Платон Бородин: мол, эх его занесло – стать «богом»! «Всевышним»!!! Но, с другой стороны, почему бы и не примерить на себя роль «Создателя всего сущего»?

Мысль дерзкая, но такая креативная. И в немалой степени полезная для души! Вернее, для заблудших душ...

Когда проектировали будущую Райскую обитель, никаких признаков кары небесной не наблюдалось. Их Группа Компаний не только не разорилась, но даже прибавляла обороты.

Первым днём творения стала многоходовая покупка земли заглохшего, мертвенного сада под будущий рай. Хотя, конечно, были по такому поводу народные пикеты со всегда присущим им надрывом, бестолковой суетой, базарной горячностью. Имели место и поджоги бородинских складов с райскими стройматериалами, попытки сломать технику, но как-то всё это быстро поугасло. Неподалёку от сада в кустах нагло раскинувшегося плотной порослью американского тополя виднелись останки не выдержавшего конкуренции полуразвалившегося кафе с выцветшим названием над воротами – «Рай»: нынешнее всероссийское обиталище вольного народа бомжей – своего рода их перевалочный путь из варяг в греки. Именно этот факт существования почти в центре города настоящей республики бомжей сдержал местных жителей от настойчивых протестных пикетов и возмущённого стояния с полужестокими лозунгами перед зданием областной администрации. Бомжовый сад напрягал местных жителей, вынуждая их обходить это место как некую гибельную зону. Ко всему, Платон уверенно знал, как найти путь к сердцам простых людей: они скоро поуспокоились, вняв, что здешний яблоневоый сад не только сохранится, но и через энное время, конечно, не завтра, прирастёт добрыми саженцами новых вкуснейших польских, австралийских и даже новозеландских сортов, а урожай будет раздаваться вёдрами бесплатно всем близживущим гражданам с обязательным продуктовым подарком в довесок, который под мышкой не унесёшь.

Во второй день творения Платон Бородин привычно посетил знакомые административные кабинеты и привычно произнёс там привычные в этих краях слова: он дал всем и вся честное «купеческое» слово превратить сад бомжей в буквальном смысле в подлинный земной рай. Тамошние двери, словно сами собой, привычно и даже весело распахивались перед ним – в здешних кабинетах, как и во всех остальных, бесчисленно имеющихся в наших родных краях, издавна, точнее издревле, стало традицией сугубо интуитивное взаимопонимание власти и людей, обременённых большими личными средствами.

И только один свежей выпечки молодой депутат с печально косящим болезненным глазом, случайно оказавшийся на пути Платона Бородина в недрах этих ответственных структур, обессиленно пискнул, как та самая складская мышка: «Зачем вам, деловому человеку всероссийской известности, какой-то старый сад-доходяга?»

Платон снисходительно рассмеялся, обнял его и тихо, почти нежно шепнул в ухо:

– Я устрою там Рай! Вам известно, что это такое? Только в Раю люди были счастливы. Правда, очень и очень временно.

– Это вы про тамошнее кафе? Да его никакой ремонт и никакие инвестиции не спасут... – юношески ярко, как-то даже электрически раскраснелся начинающий депутат, с которым всегда такое мерцающее алое свечение происходило, когда он вдруг задумывался о судьбах родного города, а то даже и страны в целом. Даже оба глаза его сейчас прямо и ответственно смотрели на Платона.

Платон мальчишески светло рассмеялся.

В третий день творения лучшие из лучших мастеров под аплодисменты редких жителей накрыли сад гигантским матово-серебристым надувным куполом, который с высоты пролетавших над городом самолётов с тех пор казался бельмом на глазу морщинистой городской физиономии.

В остальные дни творения внутри купола по распоряжению Платона Михайловича монтажники позаботились об освещении (Да будет свет), а ко всему оборудовали небо со всеми ему сопутствующими причиндалами, включая «светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знаменней, и времён, и дней, и годов».

Платон Бородин был явно доволен, что все работы в саду успешно укладываются в шестидневный библейский срок сотворения мира. Каждое утро он, оглядев мастерски, вдохновенно работающих монтажников, поощрительно говорил (как бы примериваясь к будущей роли Создателя): «И увидел Бог, что это хорошо».

– Гы-гы! – бодро отзывались мастера, сполна удовлетворённые райской оплатой.

Дерево жизни и дерево познания добра и зла Платон сажал лично. Ибо они были, по свидетельству Библии, произращены в Раю самим Господом Богом. Не отступать же от священных строк!

«И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла».

Однако коварная атеистическая петушиность так-таки тут и прихватила его. Взялся он за лопату никогда её не державшими руками с особым задиристым рвением. Свет и твердь, включая светила великие, всё это было рождено въяве от одного Божьего распоряжения «да будет», так сказать силой слова или взмахом руки. Вообще весь шестидневный процесс формирования Мироздания и Рая во всей его наполненности разнообразной жизнью выглядит в Библии очень достойно, величественно – создал, сотворил... То есть имеется налицо череда явно возвышенных действий, истинно Божеских, мыслью создавших землю, небесную твердь, моря, растения и всех живых тварей. А вот человека Бог руками «вылепил» из праха земного. Жену его по всем правилам из ребра Адама сотворил, причём под наркозом, наведя на того «крепкий сон». А сад райский Он так и вовсе самостоятельно... насадил! То есть как это? Вы только картину такую представьте: Господь Бог реально копается в земле... В руках у него остро наточенная лопата, классическая садово-огородная. Которую дачники обычно «штыковой» называют, некоторые – «заступом». И он с её помощью в полном одиночестве насаждает сад. Несомненно, в поте лица. А как если ещё и с одышкой? Покидай землёй лопату, если та явно целинная, сорняками густо захваченная. А где в это время его «боги»? В сторонке хихикают?!

Как бы там ни было, безрадостно приступил Платон копать полуметровые ямы под яблоневые саженцы. Была осень в середине, сад облетчённо оголился, винный запах падалицы стелился густ и печален.

Кстати, место для посадки того самого дерева познания добра и зла Платон тоже выбрал не на глазок, а с помощью теодолита, чтобы вышло, как и указано в Библии, в центре сада – «среди рая». Правда, сорт яблони Библия не указывала. Так что Платон по собственному разумению выбрал орловский синап с пылающим гляцевым румянцем. На роль древа жизни ему вполне показалось росошанское полосатое, кстати, успешно плодоносящее в саду английской королевы Елизаветы. Саженцы Платон выбрал на осенней выставке-ярмарке «Дача. Сад. Огород» местного аграрного университета. Осматривал деревца так тщательно, как во времена оные лошадь при покупке.

Еженедельные занятия штангой в элитном загородном спортклубе показались Платону забавой, когда его лопата ткнулась в чернозём целинной твёрдости. Он ковырял её до нужной глубины с матерком. Пока горячие мозоли на руках не припухли. Одно укрепляло: Библия уверяет, что Создатель тоже не сторонился такой работы и был в ней весьма искусен: сам посадил все яблони в рай.

«Если бы он не был Всевышним, я бы сказал про него с уважухой – крепкий мужик...» – поморщился Платон, дую на мозоли.

...Всю зиму Платон был озабочен судьбой древ жизни и познания добра и зла. Загодя до морозов опилки вокруг стволов насыпал, понизу обмотал рваниной и старательно обложил можжевелевым лапником.

И саженцы не подвели. Весной оба выбросили лист яркий, нежный, напоминающий жадно раззвлённые клювы только что народившихся птенцов.

И увидел Платон, что это хорошо.

В доме ребёнка ему подобрали замечательных мальчика и девочку, которых, когда оформляли опеку, по его просьбе назвали Адамом и Евой.

С тех пор дети росли в раю под доглядом «богов», «херувимов» и «ангелов» с высшим образованием не ниже Кембриджа. Когда повзрослели, хулиганистый в молодые годы Адам вместо бизнеса увлёкся выращиванием новых сортов яблонь. Так что «ангелы» прозвали его между собой «мичуринцем». Ева взялась за кисть, и вскоре рай по всему периметру был заставлен её работами, изображавшими «богов», «ангелов», а также кошек и собак, которые, несмотря на усиленную охрану, каким-то образом проникали сюда.

Запретное дерево познания добра и зла с годами основательно заматерело: каждую осень оно, как новогодняя ёлка шарами, было обвешано праздничными блескуче-алыми плодами. «Ангелы» бдительно, днём и ночью, доглядывали, чтобы Ева и Адам раньше времени не польстились на запретные яблоки. А в год, назначенный для изгнания Адама и Евы, оно вдруг начало необратимо желтеть и сохнуть.

В конце лета Адам спилил его. На раз-два. Кстати, не спросившись у «бога».

В ту августовскую ночь Платону приснилось, будто он не дал Еве сорвать злосчастное яблоко. Она уже руку к нему с лентой протянула... Взгляд томный, отрешённый. И тут вдруг он бдительно

объявился. Как античный театральный «бог из машины». И успел перехватить запястье Евы. Только стиснул его очень сильно. Она печально ойкнула.

Платон отпрянул и судорожно проснулся. Как перешёл из одного мира в другой. Прихватив с собой оттуда озаряющую мысль. Это был самый настоящий инсайт.

Выдворения из рая – не будет! Отменяется, ёшкин кот.

Платон не сможет выкинуть своих ребятишек за ворота. В конце концов, бабушка ему такого никогда не простит. Ему более чем хорошо известно, что Ангелина Фёдоровна годами печально мечтает о «внучатках». Или хотя бы о внуке или внучке. Пусть даже самых капризных и самых непослушных в мире!

Так что сегодня вместо изгнания он первым делом отведёт своих – да, да, «своих!» – детей к Ангелине Фёдоровне, и она, счастливо обомлевшая, полуобморочно засуетится немедленно приласкать их и накормить её едой, какую они ещё никогда не пробовали. Пушистая матовая пюрешечка со смуглыми сочными котлетами и малиновым пирогом к парному молоку!

А потом Платон аккуратно, шаг за шагом, приоткроет своим Адаму и Еве тот прекрасный человеческий мир, о существовании которого они долгие годы не подозревали под сводами райского пузыря.

– ...Что-то у тебя сегодня такой вид взъерошенный! Ты опять на всех парах сходишь с ума от какой-то новой авантюры?.. – осторожно заглянула Ангелина Фёдоровна в спальню Платона. – Пора тебе жениться, пора!

– В четвёртый раз?..

– Я не хочу умереть, не понянчив внучков!

– Кажется, такая возможность у тебя скоро будет, – усмехнулся Платон.

Сегодня он спозаранку появился в раю с самым что ни на есть праздничным, почти божественным настроением.

Жизнь впервые перестала быть для него игрой.

Он распахнул все двери и ворота рая, чтобы реальная земная жизнь напористо, вдохновенно хлынула сюда своими звуками, запахами, красками и торжественно разбудила Адама и Еву.

Платон отечески улыбался, сосредоточенный на том мгновении, когда сейчас он увидит как всегда радостно бегущих к нему наперегонки Адама и Еву.

Кстати, он распорядился заранее доставить в рай концертный рояль, конечно же белый, и конечно же поставить его на центральной аллее. Рояль сейчас свежо поблёскивал крупной глазастой росой. Седовласый строгий маэстро из местной филармонии был торжественно готов по первой же отмашке вдохновенно наиграть «Турецкий марш». Это действительно райская музыка.

– У нас проблема... – вздохнул, как всхрюкнул, Альберт Фёклин.

– Ты на что намекаешь?.. – напрягся Платон.

– Охрана никак не может найти Адама и Еву... Нигде. Потому что их здесь нет. Мальчик и девочка, того, сбежали... Объявить план «Перехват»?!

– Пока не стоит... – тихо отозвался Платон. – Давайте отнесёмся к совершившемуся факту по возможности мудро... Главное, ни слова обо всём этом Ангелине Фёдоровне! На кол посажу!

– Я слышу голос бога!.. – хихикнул Фёклин.

Платон сдержанно вздохнул:

– Если они бежали, то уже достаточно скоро наше земное бытие в его истинном виде раем им никак не покажется... Уверен, что Адам и Ева скоро вернуться с повинной...

– Вряд ли... – вдруг судорожно вздохнул Фёклин. – Побег детей на моей совести... Пусть я пожиратель мышей... Пусть лизоблюд! Но я хотел упредить их изгнание! Пожалел мальцов. Вот и решил совершить хотя бы один настоящий поступок в своей жизни... Как можно беззащитных детишек изгонять в такую безжалостную жизнь! Словно в мясорубку сунуть! Работы хорошей им не найти. Прописки нет. Их положение хуже, чем у детдомовцев. Натерпятса мальцы выше крыши. В общем, я дал им денег, научил, как ими пользоваться, передел и вывез в фургоне из рая. Никто из охраны не посмел меня проверять. Авторитет Змея-искусителя имеет вес! А теперь казните меня...

– Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт... – поморщился Платон. – Да будет тебе известно, что я и не собирался изгонять ребят! Во имя торжества вселенской справедливости перевернуть библейскую историю!

...Рай закрыли на замок. Вернее, на замки. Над городом зависли квадрокоптеры с бдительными камерами. В каждом районе Воронежа охрану выставили. Из числа самых преданных «богов» и «ангелов».

Была пятница, но впервые за все годы учредители остались без вечернего покера. По версии пресс-центра, Платон для всех уехал на охоту. И это было чуть ли африканское сафари. Поговаривали, что он давно мечтал увидеть сверкающую снегами и как отороченную кольцами облаков величественную танзанийскую Килиманджаро и прочитать у подножия этого вековечно спящего вулкана, лёжа в гамаке, одноимённый рассказ Хемингуэя об умирающем в этих местах писателе Гарри Смите. Кстати, Килиманджаро – это «Дом Бога» в переводе с языка масаев.

Дома за обедом Платон ничего не ел, включая фирменную яичницу с жареными помидорами от Ангелины Фёдоровны.

– Что-то не так, внучок? – тихо присела она рядом.

– Кажется, да...

– У тебя даже голос изменился... Обычно в детстве ты с такими интонациями вводил всех нас в ступор, требуя чего-то невозможного: «хочу научиться летать!», «купите мне живого слонёнка!» или «давайте этой зимой устроим во дворе такой большущий костёр, чтобы сразу наступило лето!».

– Ты почти угадала. Я до сих пор не успокоился в своих странностях, но, кажется, наконец достиг их логического предела.

У Ангелины Фёдоровны на щеках медленно нагустился румянец, что однозначно свидетельствовало о прыжке давления до уровня гипертонического криза:

– Ты наконец решил перекупить у Абрамовича его разнеможную яхту? Кажется, она называется «Затмение»?

– Да, бабулечка, «Eclipse».

– Она обошлась ему в пятьсот миллионов долларов?

Платон печально-детскими глазами посмотрел на Ангелину Фёдоровну:

– Дорогая моя бабушка... Я так виноват перед тобой... Одним словом, пора открыть тебе одну мою тайну... В общем, у тебя есть внуки... Мальчик и девочка. Им сейчас уже по пятнадцать лет.

Ангелина Фёдоровна строго вскинула подбородок. Очки с неё слетели, но она этого как бы и не заметила.

– Пятнадцать?! Так, так... Ты был тогда женат?! Да, да... – драматично вскрикнула Ангелина Фёдоровна. – Кажется, на этой... на Валюшке... Режиссёр с нашего телевидения... Вот оно что... Зачем же вы разбежались, лешие? А о детках подумали?!

– Ни она, ни мои последующие жёны тут ни при чём, – усмехнулся Платон. – Я взял малышкой из Дома малютки.

– То-то я не раз замечала, что у меня с кухни стали исчезать то пирожки, то блинчики в таких количествах, какие тебе одному никак не осилить! – радостно проговорила Ангелина Фёдоровна.

– Увы, они всё равно сбежали... – напряжённо доложил Платон. – Что-то не так во всей этой райской истории у нас пошло. Не уложились мы в библейский сюжет.

– Был ты дитём, дитём и остался... – вдохновенно-мило улыбнулась Ангелина Фёдоровна. – Да я, почитай, с первых дней обустройства твоего картонного рая детишек под свою прямую опеку взяла! Спасибо скажи этому дылде Фёклину. С ним мы и провернули всю эту операцию. Адамчик, Евчонка!

На кухню заглянули две новогодние маски Деда Мороза и Снегурочки. Из-под них раздались загадочные вздохи. Маски огляделись, смущённо хихикнули и робко шагнули вперёд. Это были Адам и Ева с карманами джинсов, набитыми райскими яблоками. Кажется, даже с того самого древа познания добра и зла.

– Здравствуйте, дяденька «бог»... – глухо проговорила Ева. – Мы хотим прощение у вас попросить за всё.

– Мы так боялись вашего проклятия... – строго вздохнул Адам. – Мы вас очень полюбили и ужасно не хотели изгнания. Нам бы тогда и с бабушкой пришлось расстаться.

– Ёлы-палы! – поморщился Платон и виновато посмотрел на Ангелину Фёдоровну.

...«И увидел Бог, что это хорошо»...

И возможно, ещё что-то увидел, чего нам и не понять, и не знать никак невозможно и не нужно.